

Рождённый в Третьем рейхе

Ирина Цветкова

Ирина Цветкова

Рождённый в Третьем рейхе

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Цветкова И.

Рождённый в Третьем рейхе / И. Цветкова —
«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»,

Маленький Август Линде во время Второй мировой войны оказывается с родителями на оккупированной территории СССР. Волей судьбы он остаётся здесь навсегда, получает новое имя и живёт как гражданин Советского Союза. И никто не знает, что Пётр Семешко на самом деле немец Август Линде.

© Цветкова И.
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Ирина Цветкова

Рождённый в Третьем рейхе

* * *

Маленький Август долго ждал этого воскресенья. Ему был обещан поход в зоопарк, а потом – в кондитерскую герра Штойбера. Так сказала бабушка – за хорошее поведение он может заслужить это поощрение.

И вот воскресенье наступило. Они с бабушкой пошли в зоопарк. Обычно Август всюду ходил с няней. К ней он уже привык, мог и побаловаться, а вот бабушку, оперную певицу, приму городской оперы, он видел редко и немного побаивался. При ней он робел и становился послушным мальчиком.

До ворот зоопарка он спокойно шёл за руку с бабушкой. Но едва они перешагнули порог зверинца, мальчик в матросском костюмчике бросил бабушкину руку и побежал к вольерам с животными. Заглядывая сквозь ограду, отделяющую посетителей зверинца от его обитателей, Август с восхищением наблюдал за зверушками. Там был толстый гиппопотам, равнодушно жующий травку; долгошее жирафы; бурые и белые мишки, изнывающие от жары в своих зимних шубах и периодически залезающие в воду, а потом, вволю накупавшись, с наслаждением отряхивающиеся так, что брызги долетали до зрителей. Малышня визжала от восторга. Гиганты-слоны набирали хоботом воду и обливали себя. Волки и лисы хитро шныряли в своих вольерах. Огромные кошки – львы, тигры, леопарды – лениво дремали кто где: тигры и львы на лужайках, а леопарды – на деревьях, свесив хвосты. В птичьих вольерах павлины ходили, распушив оперение, а страусы на высоких ногах тревожно оглядывались, готовые вот-вот при виде опасности спрятать голову в песок. Но особое внимание ребятни было привлечено к мартышкам. Шимпанзе, павианы, гиббоны, макаки и другие представители обезьяньего семейства собирали вокруг себя толпы зевак и вовсю потешали публику. Они прыгали по насестам, дрались, издавая обезьяньи вопли, чесали себе животики, корчили рожицы и при этом внимательно рассматривали толпу.

– Бабушка, бабушка, посмотри, какие тут обезьяны! – звал Август фрау Эльзу, не замечая, что её то и дело останавливают и просят автограф или просто выражают своё восхищение. Фрау Эльза Грюневальд, прима оперного театра, шагала по зверинцу на высоких каблуках, в красивом, ярком платье и с театрально уложенной причёской, чем выделялась на общем фоне и сразу становилась узнаваемой. Она уже порядком утомилась следовать за мальчиком, ведь она привыкла к многочасовым репетициям, наложению грима, сложному вокалу и аншлагам, а вот быть нянькой для собственного внука так и не научилась. Ей хотелось скорее уйти отсюда, но она старалась не огорчить Августа, поэтому боролась с собой, выбирая лучшее решение в этой ситуации. «Скорей бы Лаура с Паулем приехали», – подумала она о дочери и зяте. Они и вправду должны были скоро приехать, а пока мальчик находился на попечении бабушки под присмотром опытной няни.

– Август, пойдём, дитя, – сказала она, отрывая его руку от металлического прута ограды. – Пойдём, нам ещё в кондитерскую надо сходить.

С явным сожалением малыш разжал вторую руку с другого прута. Ему не хотелось покидать это замечательное место. Но послушаться бабушку воспитанный немецкий мальчик не мог. К тому же, его ждала кондитерская герра Штойбера. А уж это место было объектом вожделения всех детей их города. Августу редко позволялось бывать там – взрослые берегли его зубы и вообще считали, что сладкое вредно. (Как будто сами не были маленькими и не понимали, что всегда хочется того, в чём тебе отказывают). Но сегодня Август мог

с радостью пойти к герру Штойберу и насладиться его произведениями. Да-да, кондитерские изделия герра Штойбера можно было с полным правом назвать произведениями искусства. Он сам создавал новые виды пирожных, тортов, украшал их шоколадными, сахарными и кремовыми фигурками, расписывал кремом торты так, что их можно было сразу отдавать в художественный музей. Порой детишкам было жалко есть то, что изображал гениальный кондитер на своих кондитерских изделиях.

Войдя в кондитерскую, Август остановился перед витриной. Он увидел столько самых разнообразных пирожных, тортов и видов мороженого, что сразу растерялся.

– Выбирай, – великодушно сказала бабушка. – Что ты хочешь?

Какие же эти взрослые примитивные люди! А если хочется сразу всего? Почему надо выбирать и нельзя попробовать всё? Август умоляюще-выжидательно смотрел на бабушку снизу вверх.

– Что молчишь? Выбирай!

– Я всё хочу, – скромно сказал мальчик.

Герр Штойбер улыбнулся. Это была наилучшая похвала для него. Он очень любил своё кафе, создавал его для таких вот благодарных посетителей. По стенам у него были развешаны картины из сказок братьев Гримм, а многие пирожные назывались по имени персонажей этих сказок.

Фрау Эльза взяла право выбора в свои руки. Она заказала ванильное мороженое с шоколадом себе и внуку, ещё ему пирожное – «Грёзы маленькой Гретхен» и чай, а себе напиток «Янтарная Балтика». Домой ей упаковали торт «Сказки венского леса», на котором кондитер изобразил лес с белочкой и птичками, в центре – поляну с медведями на поваленных деревьях, а также первые ноты гениального одноимённого вальса.

Они сели за столик под навесом на улице и стали, не торопясь, смаковать мороженое.

– Август, ты воспитанный мальчик, – сказала ему бабушка, – не шали за столом, на нас люди смотрят.

Август старался изо всех сил быть воспитанным мальчиком. Конечно же, ему хотелось дать волю эмоциям, побегать, попрыгать, дёрнуть за косичку девчонку за соседним столиком, но приходилось держать себя в руках. С утра, между прочим!

– Скоро приедут мама и папа, – говорила ему фрау Эльза. – Надеюсь, они останутся до твоего дня рождения, который будет в августе. А в сентябре – у меня. Хоть бы Лаура никуда больше не уезжала, хоть бы осталась с нами!

После кондитерской они прошли по берегу Балтийского моря. Волны ласково набегали на берег, стелясь им под ноги. Август старательно высматривал на берегу кусочки янтаря. Фрау Эльза рассказывала ему, что когда она была маленькой девочкой, такой, как он сейчас, она ходила с соседским мальчишкой искать янтарь на берегу моря. Она мечтала иметь ожерелье из кусочков янтаря, но только найденного собственными руками, а не купленного в магазине. Зная об этом, Август хотел сделать бабушке подарок: найти янтарь, чтоб она себе сделала если не бусы, то хотя бы колечко, ведь сама она тогда так и не нашла настоящего янтаря.

– Когда я вырасту, – сказал Август, – я найду тебе много-много янтаря. У тебя будет всё в янтаре!

– Спасибо, мой мальчик! – фрау Эльза прижала его к себе и поцеловала в макушку.

Они ещё долго ходили вдоль моря, слушая крики чаек. Август брал округлую, омытую морем морскую гальку и бросал в воду. Когда-то папа ему показывал, как можно бросать камушки, чтоб они несколько раз прыгали по воде. Но пока у Августа не получалось. Ничего, скоро папа приедет и научит!

* * *

В субботу они встречали Лауру и Пауля на городском вокзале. Величественное здание из стекла и камня, почему-то напоминающее фразу Эльзе с её богатым творческим воображением раскрывающийся цветок лотоса, – это и был вокзал, куда Август приходил встречать и провожать родителей. На перроне уже собрались встречающие. Фрау Эльза крепко держала мальчика за руку, чтоб не потерять его, и уверенно продвигалась сквозь толпу. Август семенил за ней, сам же он вовсе не желал так быстро идти, ему хотелось подольше постоять возле паровоза и получше рассмотреть его. Поэтому ноги его шли вперёд, а голова была повернута назад – туда, где стоял, отфыркиваясь белым дымом, красавец-исполин паровоз. У Августа было две больших любви: самолёты и поезда. Он никак не мог решить, кем ему стать: лётчиком или машинистом. Вот сейчас он увидел поезд и решил, что будет машинистом. (А когда, запрокинув голову, смотрел в небо на самолёты, ничуть не сомневался, что станет лётчиком).

Вот так, идя вперёд с повернутой назад головой, он не заметил, как уткнулся во что-то мягкое. И только запах – дыма, лекарств, полевых госпиталей, эшелонов с ранеными – это был запах мамы. Он обеими руками обнял её и посмотрел вверх. Стройная, невысокого роста, Лаура была похожа на девочку-подростка. Она обнимала поочерёдно то сына, то мать, пытаясь сразу обоих взять в объятия.

– А где Пауль? – спросила фрау Эльза.

– Его не отпустили, – ответила Лаура. – Не разрешили сразу двум военным врачам покинуть госпиталь.

Они приехали домой. Лаура приняла ванну и вышла оттуда в мягком белом пушистом домашнем халате и комнатных тапочках. И сразу перестала быть военным врачом, стала мамой и дочерью. Они сели за стол и долго говорили, забывая о еде, обо всём на свете. Лаура расспрашивала, как они тут без неё жили, рассказывала, как она там, далеко, на Восточном фронте, лечит своих раненых – солдат вермахта. Фрау Эльза качала головой, не представляя, как её хрупкая дочь ставит на ноги сотни, а то и тысячи немецких военных.

– Говорят, там местное население совсем дикое, – сказала она.

– Люди как люди, – пожала плечами Лаура. – Везде люди живут.

Вечером, уложив спать Августа, мать и дочь ещё долго разговаривали.

– Я приехала на десять дней, – сказала Лаура, – а потом снова – к операционному столу.

– Как же так! – воскликнула фрау Эльза. – В августе у твоего сына первый юбилей в жизни – пять лет, а тебя не будет с ним?! А в сентябре у меня настоящий юбилей, а потом бенефис в театре. Я думала, что моя семья будет сидеть в первом ряду в полном составе на бенефисе. Я уже заказала пять концертных платьев – шикарных, роскошных, и одно – на банкет после бенефиса. Неужели вы не приедете?!

– Не забывай, что мы всего лишь солдаты фюрера. Но на твой бенефис мы обязательно приедем. К счастью, ты очень известная певица, тебя многие знают и любят, поэтому наше командование, зная, что я – твоя дочь, непременно нас отпустит на твой юбилей.

– Лаура, Лаура, – качала головой фрау Эльза. – И почему ты не стала музыкантом? У тебя прекрасные данные для этого. Ты замечательно играла на скрипке, могла бы сейчас сидеть в оркестре в нашем театре, а не ходить в пропахшей лекарствами военной форме.

– Мама! Мы не воюем, мы спасаем жизни, а это гораздо важнее музыки!

– Дочь моя! Искусство вечно! Меняются правительства, общественные формации, а искусство неизменно живёт. Оно лечит заблудшие души; служить искусству – вот высшее предназначение на земле. И мне дико видеть свою дочь в военной форме, я привыкла тебя видеть со скрипкой в руках.

– Хочешь знать правду? – устало спросила Лаура. – Именно потому, что ты меня заставляла заниматься скрипкой, я теперь ненавижу музыку.

– Да что ты такое говоришь! – всплеснула руками фрау Эльза. – Музыка – это святое!

– Да, я ненавижу музыку. И театр тоже, потому что я тебя никогда не видела, ты всё время была в театре, а на меня у тебя никогда не было времени.

– Ты не пошла в театр, ты стала врачом, но у тебя тоже нет времени на собственного ребёнка! – парировала фрау Эльза.

– Вот об этом я и хотела тебе сказать, – начала Лаура. – Я возьму Августа с собой, Пауль хочет его видеть, соскучился. А потом мы его привезём, когда приедем к тебе на бенефис.

– Дочь моя! – вновь всплеснула руками фрау Эльза. – Да в своём ли ты уме?! Брать ребёнка на войну – это же безумие!

– Мама, мы не на войне. Мы далеко от линии фронта, в глубоком тылу. Мы живём в прекрасном курортном городке в Крыму, так что наш сын прекрасно оздоровится там. У нас чудесный воздух, овощи, фрукты и даже тёплое море недалеко.

– Но в тылу жуткие партизаны!

– Успокойся, у нас их нет. Их в самом начале всех убрали. Так что в этом отношении у нас спокойно.

– Лаура, Лаура, – качала головой фрау Эльза. – Надеюсь, к отъезду ты передумаешь взять ребёнка с собой.

– Пауль хочет видеть сына, – ответила Лаура.

– Но вы же приедете ко мне на бенефис! Вот и увидит!

– Мама, я прошу тебя, не надо эмоций. Я же тебе объясняю: у нас там замечательная природа, Август отдохнёт там.

– А с кем же он будет, пока вы в операционной? – фрау Эльза поняла, что спорить с её хрупкой дочерью бесполезно.

– Найдётся добрая душа. Там ведь много людей работает в нашем госпитале. Да и мы не всегда одновременно в операционной находимся.

Фрау Эльза знала, что будет так, как решат родители. Но последний выпад всё же сделала.

– Пауль, видите ли, захотел! Да что ты вообще в нём нашла? Какой из него муж? Молчит всё время – зачем такой муж?

– А зачем мне болтун? – парировала Лаура. – Меня вполне устраивает мой муж.

– Вот он тебя и сбил с толку. Была бы сейчас рядом со мной. Так нет, на войну поехала. Сына бросили, поехали под пули. Ещё неизвестно, чем всё это кончится для нас, немцев.

– Мама, меня не интересует политика! Мне всё равно кто с кем и зачем воюет. Я – врач, я знаю, что я нужна там, где умирают люди – и я пошла туда. Мы спасаем человеческие жизни, а давать оценку действиям наших руководителей – это не моё дело.

– Ладно, спать пора. Какие планы на завтра? – перевела разговор фрау Эльза.

– Хочу к отцу сходить, – сказала Лаура.

– К отцу? – негодуя воскликнула фрау Эльза. Она давно была в разводе, маленькой Лауре было два года, когда они расстались. С тех пор они с бывшим мужем не виделись и слышать друг о друге не хотели. Что между ними произошло, не знала даже дочь, но в детстве тайком от матери она встречалась с отцом. Теперь, будучи взрослой, имея собственного ребёнка, она решила, что не стоит скрывать факт общения с отцом. Но ошиблась. Фрау Эльза не была готова к такому предательству.

– Ты пойдёшь к этому мерзавцу?! К этому негодяю?! Да как ты можешь так поступить со мной?

– Мама, прошу тебя, не надо. Он мой отец. К тому же, он известный адвокат, уважаемый в городе человек. Что вы там не поделили – не знаю, но я, как и все люди на земле,

имею право на отца. И не надо мне навязывать своё мнение. Я уже взрослая и вправе сама решать, с кем мне общаться.

* * *

За время своего короткого отпуска Лаура дважды виделась с отцом. Первый раз она пошла одна, а в другой раз – с сыном. Герр Хорст Грюневальд, как всегда, был очень занят, работал с документами своих доверителей, поэтому мог уделить лишь несколько минут своего внимания. Его время стоило очень дорого.

– Я очень рад, что ты пришла, – сказал он дочери, когда она на следующий день после приезда пришла к отцу. – А где Август, почему ты его не взяла с собой? Ты же знаешь, хоть мы и живём в одном городе, твоя мать не даёт мне видеть внука.

– Хорошо, я приведу его, – ответила Лаура, польщённая тем, что её ребёнок интересуется отцом. – Как ты, как живёшь, как здоровье?

– Да у меня-то нормально. Ты же на войне, ты расскажи, как ты там, на войне, живёшь?

– Я далеко от войны. Мы в глубоком тылу. Спасаем наших солдат и офицеров. Работа как работа. Работаем так же, как и тут бы работали. Делаем операции, переливания крови. Вообще, ставим на ноги солдат вермахта.

– Я горжусь тобой, дочь. Ты так обыденно говоришь о том, что нам здесь, не знаящим, что такое Восточный фронт и Россия, может показаться, что там действительно всё прекрасно, безоблачно и безобидно.

Они обнялись. Адвокат спешил к клиенту, поэтому они попрощались. В следующий раз Лаура пришла не одна. Её отец очень обрадовался, увидев внука.

– А вот и продолжатель моего дела! Будешь адвокатом? Хочешь работать в этом кабинете? – тискал он в объятиях маленького Августа. Смущённый мальчик не сопротивлялся и кивал головой.

– Доктор Август Линде, мой наследник! Звучит! Я завещаю тебе свою контору.

И опять заторопился к очередному клиенту. Они обнялись на прощание.

– Я горжусь своей дочерью, – сказал герр Грюневальд. – Никогда не думал, что ты такая стойкая, что пойдёшь в самое пекло и будешь вытаскивать людей с того света. Все мои знакомые знают об этом и восхищаются тобой!

И всё же, расставаясь, оба чувствовали, что они так много не сказали друг другу...

Потом Лаура с сыном навестили родителей Пауля. Это была очень богатая семья, они владели несколькими текстильными предприятиями, большинство из которых сейчас работало для фронта: выпускали ткани для солдатской формы и офицерских мундиров. У них было три сына, все они находились на Восточном фронте. Хотя, точнее сказать, теперь один Пауль, средний сын, был на Востоке. Фотографии старшего Вальтера, отца двух детей, и младшего Курта, совсем ещё юного мальчика, уже стояли в траурных рамках.

Фрау Ангела и герр Вильгельм Линде встретили Лауру и Августа сдержанно. Нет, безусловно, они обрадовались, увидя невестку и внука, но не тот момент был, чтоб бурно проявлять свою радость. Фрау Ангела, уже отплакавшая своё горе, прижала к себе Лауру и маленького Августа. Она не снимала чёрного платья.

– Хорошо, что пришла, Лаура, – сказала она. – Как наш Пауль?

– Он оперирует. Его не отпустили из госпиталя, работы много. Мы приедем вместе в сентябре на юбилей моей мамы.

Они сели вместе обедать в просторной столовой, где за большим обеденным столом было так много пустых мест...

В беседе её расспрашивали о России, о госпитале, о местных жителях и вообще о войне. Герр Вильгельм сказал, что у него остался один сын и ему бы следовало вернуться в Германию, ведь кому-то надо унаследовать текстильную империю.

– Но Пауль – врач, – робко возразила Лаура. – Он не раз мне говорил, что ничего не понимает в бизнесе и экономике, поэтому не собирается заниматься семейным бизнесом.

– Неважно, что говорил Пауль, – резко ответил Вильгельм Линде. – У меня из трёх сыновей остался один. Он должен принять дело, ведь больше некому.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.